

Лу Синь и Н.В. Гоголь
Суровцева Екатерина Владимировна
молодой ученый
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
surovceva-ekaterina@yandex.ru

Долгое время в Китае, как и в других странах Востока, господствовало мнение, что в Европе (и в России, которая мыслилась как часть Европы), где процветают «реальные науки» и техника, нет места высокой поэзии. Поэтому в XIX в. литературные контакты Востока и России носили случайный, ограниченный характер. Начало распространения и освоения русской литературы в Китае относится к только началу XX в., и вскоре русская литература заняла одно из важнейших мест в духовной жизни страны.

Большую роль сыграла русская литература и для классика китайской литературы Лу Синя (25.09.1881 – 19.10.1936; настоящее имя Чжоу Шу–жэнь).

Уже во время обучения в медицинском институте в Сэндае (1904–1906 гг.) Лу Синь очень любил произведения Лермонтова, Чехова, Короленко, Андреева и особенно Гоголя. Предпочтение отдавалось «Запискам сумасшедшего», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Ревизору»; поэма «Мертвые души» в то время оставалась на втором плане.

Вместе с несколькими друзьями осенью 1907 г. Лу Синь начал брать уроки русского языка у частной учительницы. Обстоятельства заставили Лу Синя прекратить эти занятия, но по переводам на японский и немецкий языки он старательно знакомился с русскими произведениями и критическими отзывами об их авторах.

Воздействие русской литературы (в частности Гоголя) на формирование творческой позиции Лу Синя наиболее ярко сказалось в рассказе «Записки сумасшедшего» (1918), вошедшем в сборник «Клич». Обращаясь к проблеме взаимоотношений личности и общества, Лу Синь учитывал и традицию родной литературы, в которой образ безумца занимал важное место. Китайский традиционный образ безумца встретился с традицией, ведущей от гоголевских «Записок сумасшедшего» (1834) и от русской культуры в целом. Видимо, мы можем говорить о заимствовании Лу Синем гоголевского названия. Кроме того, у Гоголя Лу Синем заимствованы прием критики общественного зла (восприятие мира глазами душевнобольного) и форма повествования (дневник). Однако стоит отметить, что Лу Синь несколько видоизменил гоголевскую дневниковую форму – в его произведении дневник предваряет вступительная статья издателя записок сумасшедшего, а также обращает на себя внимание отсутствие дат (у Гоголя каждая дневниковая запись имеет дату).

Герои Лу Синя и Гоголя имеют сходные черты. Персонаж Лу Синя, как и герой гоголевского рассказа, принадлежит к сословию чиновников. Оба персонажа отличаются большой образованностью. Но если Поприщин – персонаж не только драматический, в нем сильны комические черты, то герой Лу Синя трагичен. Другое отличие связано с особенностями сюжета произведений – из предисловия издателя мы знаем, что герой Лу Синя исцелился, у гоголя же нет ни малейшего намека на возможность подобного исхода.

Гоголь ввел в повествование «переписку» двух собачек – претендующих на аристократичность, безобидных собачек Меджи и Фидель, обусловив тем самым и сильное пародийное начало в рассказе. В произведении китайского писателя присутствует собака со двора Чжао, которая предстает в больном воображении героя страшным олицетворением злобы и готовности наброситься на жертву.

Типологическая близость лусиниевского творчества к наследию Гоголя проявляется в умении показать разобщенность людей, страшное одиночество и беспомощность маленького человека. У Лу Синя эта тема звучит в большинстве произведений сборника «Клич» (в своем окончательном виде вышел в 1932 г.).

Отношение к человеческой жизни, к смерти было для Лу Синя одним из важнейших критериев состояния общества, уровня духовной жизни страны. В этом также обнаруживается типологическая близость позиции китайского писателя к гоголевскому острому восприятию подобной проблематики. Лу Синь в гоголевском духе

(«Невский проспект», «Шинель») описывает смерть в таких произведениях, как повесть «Подлинная история А–Кью» (1921), рассказ «Напоказ толпе» (1925, сборник «Блуждания»).

Лу Синь принимал живое участие в издании на китайском языке гоголевских произведений. В 1934 г. он перевел «Нос», в феврале 1935 г. приступил к переводу «Мертвых душ» (успел перевести только первый том и три первые главы второго тома).

После опубликования шести глав «Мертвых душ» Лу Синь писал, что китайский читатель уже может составить представление о помещиках, выведенных Гоголем. Лу Синь на примере сцены встречи Чичикова с Ноздревым показывает, что трагическое зачастую проявляется в обычных ситуациях, а искусство писателя как раз заключается в способности увидеть глубинную суть характеров и поступков людей.

В ноябре 1935 г. был издан лусиниевский перевод первого тома «Мертвых душ». В качестве предисловия предлагалась статья Н.А. Котляревского, в приложении давались: «Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвые души», «Заметки, относящиеся к 1–й части», «Окончание IX главы в переделанном виде», «Повесть о капитане Копейкине».

В 1936 г. на страницах «Ивэнь» писатель неоднократно публиковал статьи, посвященные «Мертвым душам».

Лу Синь очень скромно оценивал свои переводы. Однако китайские критики и читатели единодушно признают их высокие художественные качества.

В Китае Лу Синя называли то «китайским Чеховым», то «китайским Горьким». Однако подчеркивалось и значение Лу Синя для китайской литературы, сходное со значением Гоголя для русской. Так, Тун Хуа в «Сборнике памяти Лу Синя» писал: «Место Лу Синя в духовной жизни современного Китая сходно с ролью Гоголя в России XIX века. Гоголь – первый русский писатель, который так обостренно ощущал ответственность перед обществом; у нас таким был Лу Синь. Лишь с появлением “Шинели” Гоголя утвердилось русская проза XIX века, лишь сборник рассказов “Клич” Лу Синя положил начало современной китайской литературе» [Серебряков: 256].

Литература

Серебряков Е.А. Гоголь в Китае // Гоголь и мировая литература. М., 1988.